

²² Он же. Этическое учение Мальбранша. – Владивосток, 1920. – С. 68.

²³ См.: Ершов М.Н. Факторы культурного развития личности (социально-педагогический очерк). – Владивосток, 1921.

²⁴ Известия юридического факультета. – Харбин, 1928. – Т. 5. – С. 353.

²⁵ Ершов М.Н. Ценность юридического образования в наше время. Вступительная лекция в курс «История и философия права», прочитанный на Юридическом факультете в г. Харбине 29 сентября 1926 г. // Известия юридического факультета. – Харбин, 1927. – Т. 4. – С. 204-225.

²⁶ Он же. Ценность юридического образования в наше время // Там же. – С. 205.

²⁷ См.: Там же. – С. 206.

²⁸ Там же. – С. 208.

²⁹ См.: Новгородцев. П.И. Кризис современного правосознания // Вопросы философии и психологии. – 1906. – Кн. IV. – С. 416–417. Отдельным изданием труд П. Новгородцева вышел в 1909 г.

³⁰ Ершов М.Н. Ценность юридического образования в наше время... – С. 209.

Ковальчук Ю.С.

РЕЛИГИОЗНЫЕ НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В XXI в.: СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ?

Аннотация. В статье рассматривается деятельность религиозных негосударственных организаций (далее – НГО) в социальной сфере, особое внимание уделяется тем НГО, которые имеют финансовых доноров и свои штаб-квартиры в США и Европе, при этом активно работают в незападных странах. Новой тенденцией XXI в. стало усиление финансирования данных организаций со стороны государства и международных финансовых институтов. Автор ставит вопрос о неоднозначности оценки в научном и социально-политическом дискурсе деятельности религиозных организаций в социальной и образовательной сфере и приводит доводы в пользу того факта, что религиозные НГО стали инструментом изменения религиозного и идеологического пространства в результате реализации своих программ.

Ключевые слова: церковь и государство, религиозные организации, социальный капитал, гражданское общество, международная политика, гуманитарная интервенция, социальная сфера.

Исследование проводилось при финансовой поддержке Фонда Михаила Прохорова (стипендия Александра Герцена для стажировки в Институте гуманитарных наук в Вене 2012-2013 гг.)

В результате договоренностей Вестфальской системы о том, что религиозно-государственные отношения являются внутренним делом суверенных государств, религия долгое время не была актуальна для международных отношений. Это определило дискурс международной политики и целого ряда направлений в общественных науках, в котором место религии не отводилось. Дисциплины, изучающие религию и деятельность религиозных акторов, до сих пор не входят в обучающие программы гуманитарного цикла университетов. Крайне слабая осведомленность по данному вопросу ощущается и в таких специальностях как журналистика, что повсеместно приводит к ограничению информационных потоков о современных религиозных процессах в средствах массовой информации.

В целом деятельность таких религиозных акторов как основные христианские церкви, международные экуменические организации и НГО ос-

тается за информационной завесой как общего журналистского, так и научного пространства. В зарубежных научно-политических публикациях религиозные НГО рассматриваются в большинстве случаев как акторы построения гражданского общества либо как носители социальных инициатив в качестве альтернативы государственным социальным программам. Одним из примеров исследовательских проектов, направленных на изучение религии в третьем секторе в рамках Европы, можно назвать проект FASIT (Faith Based Organizations and exclusion in European cities). Исследователи проекта FASIT проанализировали роль религиозных НГО в Бельгии, Германии, Нидерландах, Великобритании, Турции и др. Проблемы, возникающие у стран Евросоюза в связи с кризисом функционирования социальной системы в новых условиях мультикультурного общества, приводят к необходимости изучения альтернативных источников и ресурсов в социальной работе, одним из вариантов оказывается деятельность религиозных организаций различных вероисповеданий. Роль государства и часть его задач делегируется именно третьему сектору, и эти процессы рассматриваются в рамках идеи развития гражданского общества. Совершенно в другом ключе роль религиозных организаций изучают исследователи, работающие в рамках критической теории; эти исследования посвящены в основном деятельности западных НГО на территориях стран третьего мира.

Рассматривая вопрос о роли религии в международных отношениях и в мировой политике, невозможно обойти вниманием работы известного эксперта в этой области, профессора Джеффри Хайнэса (Великобритания). Д. Хайнэс посвятил данной проблематике более 160 научных публикаций, из них – 14 монографий, в которых предлагается анализ современных религиозных процессов как в странах Европы, так и в странах третьего мира. Среди наиболее известных: «Религиозные транснациональные игроки и политика «мягкой силы» (1998), «Религия, политика и международные отношения» (2011) и др.¹.

Еще один выдающийся автор, работающий в интересующем нас тематическом поле, – исследователь из США Скотт Томас, на идеологические взгляды которого в свое время оказал влияние южно-африканский изблчитель политики апартеида Бейерс Науд. Одной из самых важных для понимания современных религиозных процессов можно назвать его монографию «Религия и трансформация международных отношений: битва за души в XXI веке»² (2005). В работах Скотта Томаса представлен анализ основных трендов включения религиозной составляющей в международные отношения, дается характеристика деятельности международных организаций, в том числе религиозных, а главное – автор, предлагая читателю подробный анализ теоретической базы современной социологии религии и международных отношений, озвучивает свой подход к рассмотрению роли культуры и религии в развитии международных отношений в рамках этики добродетели (virtue-ethic approach). Данный подход ратует за так называемый глубокий плюрализм в противовес безальтернативной модели глобализации и англо-саксонского понимания прав человека, с учетом и уважением религиозно-культурные традиции каждой страны³.

Религия и права человека

С самого своего начала XXI в. обозначил себя всплшками религиозного экстремизма. Интерес к религии усилился, а о секуляризме стали говорить все меньше, упоминая его либо в его локальных проявлениях, либо как явление прошедшего XX в.

Похоже, что эпоха секуляризма заканчивается. Какие силы и события формируют сегодня новый общественный дискурс относительно роли религии в мире? Без сомнения, доминирующей идеологией стала концепция

прав человека как результат распространения и принятия норм международного права. Свобода совести стала неотъемлемой частью пакета демократических изменений. Однако включенное в это понятие право на прозелитизм – свободное распространение своей веры – вызвало и продолжает вызывать неоднозначную реакцию во многих странах мира. Тем не менее доминирующими силами в рамках дискурса о свободе слова эта недовольная позиция многих стран упрощается до «проявления реакционных сил», противодействующих демократии. Права человека стали основополагающими правилами, которые, прежде всего, определяют носителей легитимности как индивидуальной, так и государственной. Кроме того, эти регулятивные правила, претендующие на универсальность, определяют отношения между действующими сторонами. Однако некоторые из них являются полисемантическими символами, открытыми для различных интерпретаций.

Говоря о роли религии в международных отношениях XXI в., будет неверно рассматривать только такие традиционные силы как церкви (Римская католическая, Русская православная, Пятидесятнические деноминации); появились новые игроки – религиозные НГО, получающие финансирование как из секулярных, так и из религиозных источников. Важными они стали из-за того, что именно их деятельность во многом формирует гуманитарное пространство в странах третьего мира. Часть религиозных НГО, безусловно, являются самостоятельными субъектами, реализующими в социальном пространстве свои программы изменения действительности в соответствии с доктринальными установками той или иной конфессии. Однако существует и та часть религиозных НГО, которая скорее относится к инструментам так называемой «мягкой силы» (soft-power) в проведении собственной политики независимых акторов, в частности ряда государств. Напрямую или косвенно они способствуют внедрению западных ценностей и политических воззрений через обращение в христианство, используя риторику нелиберальной демократии, обличенную в христианские термины во время своей гуманитарной работы по всему миру. В связи с экономическим кризисом 2000-х гг. многие программы помощи странам третьего мира, которые финансировали секулярные организации и правительства разных стран и союзов, были вынужденно свернуты, их место стали занимать программы религиозных НГО.

Общее развитие конфессиональных процессов в мире в XX в., кроме политико-экономических факторов, было во многом обусловлено политикой самих христианских институтов. Существует целый ряд параллелей в развитии политики христианских западных церквей и нелиберального западного нормотворчества, в том числе и в области прав человека. Сегодня христианские церкви апеллируют к правам человека при создании собственных благотворительных негосударственных организаций (НГО), проникая в отдаленные уголки, а международные организации под эгидой ООН также используют конфессии для распространения идей прав человека и нелиберальных ценностей, косвенно или напрямую через религиозную проповедь. Взаимодействие на данном поприще оказывается выгодным как самим религиозным институтам, так и неправительственным организациям, специализирующимся на защите прав человека.

Еще в XX в. основные церкви обратились к созданию внутрицерковных институтов и развитию миссионерского направления с ориентацией на транснациональные сообщества и меньшинства (коренные народы, этнические меньшинства, мигранты, студенты за рубежом и др.). Таким образом, создание так называемых «иллюзорных» транснациональных групп и поддержка их идентичности и прав через создание соответствующих норм по правам человека предоставили религиозным институтам дополнительные миссионерские каналы для евангелизации⁴, а с другой стороны, сами религиозные организации стали активными участниками со-

здания данной системы через организацию внутрицерковных институтов, благотворительных организаций. Все эти процессы постепенно привели к созданию рынка религиозных негосударственных организаций, роль которых в решении целого ряда социальных, экономических и политических проблем неуклонно возрастает. Тем не менее, несмотря на важность и широкую распространенность вышеописанных процессов, до сих пор фактически не создано исследовательского поля в религиоведении, социологии религии и смежных дисциплинах, в рамках которого проводились бы исследования религиозной составляющей данного феномена.

Государственное финансирование религиозного непрофита в США и Великобритании

Если в секулярном XX в. религиозные НГО формировались в основном самими Церквями и ими же финансировались, то в XXI в. обозначилась новая тенденция – вовлечение государства в финансирование религиозных НГО. Самым ярким примером такого процесса является внутренняя и внешняя политика США.

Так называемый «третий сектор» теоретически должен быть представлен институтами, которые не относятся к государству и к бизнесу как таковым. Однако негосударственные организации, созданные религиозными институтами либо вдохновленные религиозными идеями с 2000-х гг., в США стали получать большие объемы федеральных денег на реализацию своих программ. Подобные организации стали называться «организации, основанные на вере» (faith-based organizations), аббревиатура FBO вошла в употребление в самых широких кругах. Не являясь юридическим термином, аббревиатура FBO почти всегда используется, когда речь идет о религиозных или благотворительных организациях, чья деятельность ассоциируется с той или иной церковью, деноминацией. Обычно в своих программных документах, представленных на Интернет-сайтах, подобные организации, раскрывая мотивации своей деятельности, так или иначе упоминают о своей принадлежности к христианской или иной религиозной традиции. Например, на сайте организации Уорлд Вижн Интернэшнл (World Vision International) в рубрике о целях создания организации записано: *«Нашей миссией как международной организации христиан является следование за нашим спасителем Иисусом Христом в работе с бедными и угнетенными, поддержка социальных изменений, борьба за справедливость и донесение до людей добрых вестей о царстве Бога»*⁵.

Начиная со времени президентского срока Роберта Рейгана, христианские фундаменталисты в правительстве США шаг за шагом стали формировать новое, так называемое христианское законодательство, целью которого стало усиление религиозного присутствия в социальной сфере и формирование путей воздействия на законодательство на всех уровнях⁶.

При Джордже Буше усилия предшественников достигли своего апогея и привели к созданию специального «Офиса» (White House Office of Faith-Based and Community Initiatives), который распределял федеральные средства среди религиозных организаций. Официальной версией причин усиления государственного финансирования религиозных НГО стала обеспокоенность государства упадком традиционно связующих общество элементов – больших семей и церковных общин, в деятельности которых усматривался созидательный социальный и духовный потенциал.

Именно в этот период в широкое употребление входит понятие *социальный капитал*: родившись однажды, оно стало использоваться в научном дискурсе, особенно в англосаксонском социально-политическом пространстве. Это прежде всего произошло не потому, что понятие внесло что-то принципиально новое в социологические науки, а потому, что оно

оказалось удачным в маркировке некоторых современных процессов социально-экономической жизни и, что важно, было широко растиражировано. Такие часто используемые словосочетания как «деградация социального капитала», «уменьшение социального капитала» и подобные им argot придать описываемому явлению негативный смысл, в противовес таким пропагандируемым ценностям как «социальная активность населения», «самоорганизации общества» и «общественный контроль». Проблема так называемого «социального клея» в современных обществах и проблема контроля над дисперсным обществом ставят вопрос перед правящими элитами о консолидации групп, желательно малостоящими в экономическом смысле способами, и в этом случае понятие «социальный капитал» становится актуальным и модным. Американские политические круги стали активно использовать этот термин, маркируя им положительные/отрицательные тенденции в обществе. Использование термина применительно к англосаксонской традиции, для так называемых белых обществ в США, может быть оправдано, но правомерность и полезность его использования для описания обществ с принципиально иным культурным и социальным устройством остаются под вопросом.

Понятие «социальный капитал» приобрело популярность также из-за того, что, выйдя за рамки социологии, оно стало транслироваться и трактоваться смежными дисциплинами через ряд политически ориентированных журналов за рубежом⁷. Сегодня понятие, по сути, расширилось до такой степени, что уже невозможно дать ему единое емкое определение.

По мнению известного американского социолога кубинского происхождения Алехандро Портеса, понятие «социальный капитал» стало популярным в силу двух причин: во-первых, концепция фокусирует внимание на позитивных чертах общинности, оставляя вне внимания негативные черты (преступные группировки, этнические профессиональные сообщества и др.); и, во-вторых, эти позитивные моменты рассматриваются в рамках более широкой дискуссии о капитале: о том, как эти не денежные формы капитала могут быть важными источниками власти и влияния⁸. Так, Р. Путнам (благодаря работам которого понятие социального капитала стало популярным в США) в своем интервью 1995 г. говорит, что такие характеристики социальных организаций как внутренние взаимосвязи людей, общепринятые нормы, доверие, которые усиливают взаимодействия и оказываются взаимовыгодными, также *«могут стать практическим решением многих вопросов, стоящих на американской повестке дня – начиная с того, как мы можем преодолеть бедность и насилие в южных районах Лос-Анджелеса, до возвращения юных демократических режимов на территории бывшей советской империи»*⁹.

Развернутая дискуссия о роли социального капитала в США полностью определила выводы о необходимости поддержки инициатив местных сообществ, которые когда-то объединялись вокруг локальной церкви. Соответственно в США был поддержан курс на усиление финансирования социальных программ, которые предлагали именно церкви и религиозные организации. Ответной реакцией со стороны американского общества стало недовольство новой политикой, поскольку она шла вразрез с конституционно закрепленной в США нормой об отделении церкви от государства. Однако, несмотря на многочисленные дебаты о правомерности траты федеральных денег на религиозные нужды, сегодня активное финансирование социальных программ религиозных организаций из средств федерального бюджета остается свершившимся фактом.

Попытки анализа происходящих в стране процессов усиления религиозных НГО были среди прочих предприняты исследователями Института Нельсона Рокфеллера при финансовой помощи Фонда Пью Черитэбл Траст. В 2009 г. вышел отчет сотрудников Института с анализом результатов

проводимой государственной политики поддержки религиозных организаций. В частности, в выводах доклада сказано, что вопрос о наличии каких-либо преимуществ у религиозных организаций перед секулярными в эффективности их программ социальной работы остается совершенно открытым. Интересным кажется тот факт, что, отвечая на вопросы анкеты исследовательского проекта Института Нельсона Рокфеллера, большинство представителей американских церквей и локальных религиозных НГО признали, что они не могли подать заявку на получение федерального гранта, поскольку процедура подачи заявки была слишком сложна и у них не хватало ресурсов и соответствующей подготовки¹⁰. Отдельным пунктом в выводах доклада подчеркивается, что те религиозные НГО, которые предлагали международные программы в Африке, Азии, Латинской Америке, имели преимущества при финансировании у правительства США. Таким образом, постепенное финансирование международных социальных проектов за пределами страны стало осуществляться за счет федеральных денег. Для реализации этих программ в декабре 2002 г. было организовано соответствующее агентство – United States Agency for International Development (USAID). Одним из примеров вовлечения религиозных НГО в международные социальные проекты является Президентский план по борьбе со СПИДом в Африке, который получил федеральную грантовую поддержку в 15 млрд. долларов. В июле 2008 г. этот проект был пролонгирован до 2013 г. и получил дополнительно 48 млрд. долларов США на борьбу с малярией, туберкулезом и СПИДом¹¹. Это всего лишь одна из программ, финансируемая со стороны США для работы религиозных НГО в странах третьего мира. Примечательно, что религиозные организации в данном случае выстраивали программу по борьбе со СПИДом на христианских принципах – особое внимание уделялось идеологии построения семьи на христианских идеалах, запрете на внебрачный секс, в то время как секулярные программы обычно уделяют большее внимание проблемам контрацепции. Подобное смещение акцентов может иметь широкие последствия в различных культурных средах и вновь поставит вопрос о необходимости проведения научных исследований о правомерности замены секулярных программ религиозными.

Для понимания изнутри процесса формирования в США так называемого «христианского законодательства» кажется интересным исследование работы Аллена Хертцке «Освобождение детей Бога: Маловероятный союз за глобальные права человека», вышедшей в 2004 г. Автор подробно описывает этапы формирования коалиции консервативных евангеликалистов с католиками, евреями, представителями основных протестантских деноминаций¹². Опуская личные симпатии автора к данному процессу и личностям, его формировавшим, отметим подробное описание этапов становления и усиления власти этих политических сил. Целью коалиции стало создание религиозного активизма для защиты прав человека. Кроме того, коалиция активно лоббировала правительство страны, настаивая на использовании рычагов внешней политики США для достижения защиты прав человека за рубежом. Впрочем, остается неясным, что здесь первично – яйцо или курица. Именно религиозные НГО во многом стали инструментом воплощения идей христианских фундаменталистов не только внутри страны, но и во внешней политике.

По мнению Джеффри Хайнэса, основной момент, воодушевлявший вовлечение евангеликалистов в дела внешней политики США во времена администрации Клинтона и Буша, была глубокая уверенность в том, что США являются частью борьбы добра и зла в международной политике. Если в 1980-е гг. эта борьба носила антикоммунистический характер, то теперь она сосредоточена на определенных аспектах соблюдения прав

человека, – в частности, свободы совести, осуждении репрессий христиан и т.д.¹³

Апогеем вовлеченности движения евангелистов США во внешнеполитическую деятельность явилось принятие в 1998 г. Акта о международной свободе вероисповедания. Данный акт дал США право проводить градацию стран по степени соответствия их религиозной политики нормам по правам человека и устанавливать экономические санкции против тех стран, которые ограничивают доступ американских миссионеров на свои территории и в целом противодействуют росту христианских церквей.

При оценке градации и степени толерантности к ино-конфессиональным проявлениям очевидной проблемой становится сам принцип мониторинга: кто и по каким критериям оценивает и оценивается? Огромное количество НГО проводят самый разноплановый мониторинг соблюдения норм по правам человека; в основном они определяют уровень развития гражданского общества и отмечают случаи нарушения прав человека. Американский антрополог Салли Энгл Мэрри проводила исследование по индикаторам соблюдения прав человека и использованию этих индикаторов в мировом управлении. В частности, в своей статье, опубликованной в журнале *Current Anthropology* в 2011 г., она пишет: *«Растущая популярность индикаторов приводит к распространению корпоративного мышления и методов управления в более широкое информационное пространство. Очевидно, что индикаторы могут быть и являются инструментами репрессивной категоризации, дисциплины и контроля. Индикаторы – это политическая технология, которая может использоваться в самых разных целях, таких как лоббирование, организация движений по защите чьих-либо прав, реформирования, контроля и управления»*¹⁴. Очевидно, что ориентация на индикаторы приводит к определенным политическим решениям, – например, по оказанию международной помощи, или давления на правительство в связи с нарушениями прав человека, или установлению льготных условий для развития бизнеса в той или иной стране. Кроме того, «социологическая статистика», полученная в результате подобного мониторинга, «разливается» в политическом и гуманитарном научном пространстве, формирует его и картину мира в целом под тем углом, который оказывается выгодным.

США не единственная страна, где религиозные НГО получили поддержку государства. В Великобритании сторонники усиления государственного финансирования религиозного nonprofits также добились успеха. Прибегая к практике организации протестов и лоббированию, они призывали правительство к увеличению доли государственных денег для финансирования религиозных НГО в Великобритании. Немаловажную роль в организации движения сыграла группа «Фэйтуоркс» (Faithworks), которая с 2001 г. во главе со Стивом Чалком начала борьбу с дискриминацией религиозных НГО при финансировании социальных программ со стороны правительства и выступала за устранение бюрократических препон во взаимодействии религиозных НГО и государства. Группа «Фэйтуоркс» собрала более 70000 подписей британскому премьер-министру Тони Блэру, настаивая на большей степени сотрудничества между государством и религиозными группами. В 2003 г. в рамках Министерства внутренних дел был сформирован Отдел религиозных общин (Faith Communities Unit) и правительство выделило значительные ресурсы для религиозных организаций. В 2002 г. «Фэйтуоркс» издала хартию, которую подписали все 700 организаций, входящих в партнерство, о том, что их работа распространяется на всех людей без дискриминации по этническому, половому, религиозному и другим факторам и что они не будут использовать полученные ресурсы для миссионерства. Однако 22000 работников партнерства не подписывают эту хартию лично, для них она носит лишь рекомендательный харак-

тер, что оставляет проблему прозелитизма через социальную работу открытой.

Группе «Фэйтуоркс» удалось наладить отношения с правительством и министерствами, были установлены отношения и связи с политиками. Присутствие высокопоставленных чиновников и членов правительства на ежегодных конференциях «Фэйтуоркс» дало не только преимущества символического присутствия людей власти, но и сопровождалось экономической помощью в форме государственных грантов. Вышеописанные процессы, происходящие внутри страны, повлияли также на усиление религиозного сегмента в международной помощи за рубежом, оказываемой Великобританией. Традиционно Великобритания в своих зарубежных программах социальной и гуманитарной помощи сотрудничала с небольшим количеством НГО через соответствующий Департамент (The Department for International Development). В основном это были НГО, организованные традиционными церквями Англии. С 1997 г. постепенно ситуация стала меняться в сторону увеличения участия религиозных НГО в зарубежных программах Великобритании в Африке и Латинской Америке¹⁵.

Не только ряд государств, но и международные финансовые институты – такие как Всемирный Банк – наладили партнерские отношения с религиозными акторами. Международные религиозные НГО, особенно те, что имеют консультативный статус в ООН, определяют сегодня повестку дня в развитии ряда регионов и стран и имеют совместные проекты с Всемирным Банком. Так, насчитывается 3183 НГО с консультативным статусом в экономическом и социальном совете ООН, 320 из которых (10,1%) позиционируют себя как религиозные, среди них: 58,4% христианские, 16,3% мусульманские, 6,3% еврейские, 3,4% экуменические¹⁶. Это взаимодействие строится на включении в совместные проекты тех НГО, которые участвуют в построении гражданского общества и принимают основополагающие принципы политики развития такой, как видят ее западные институты. Соответственно, те религиозные НГО, которые имеют свое мнение относительно курса развития отдельной страны или региона, объективно исключены из этого взаимодействия¹⁷. Кто же имеет доступ к ресурсам, выделяемым для развития регионов – таких как Африка или Азия? Это, прежде всего, крупные организации, чья деятельность нацелена на развитие гражданского общества; штаб-квартиры этих НГО находятся в США и Европе. Они участвуют в определении повестки дня и распределении ресурсов совместно с финансовыми институтами и комитетами ООН. Среди подобных организаций можно назвать такие как World Council of Churches, World Vision International (США-Лондон-Женева), World Faith Development Dialogue (Вашингтон), Pontifical Council on Justice and Peace (Римская католическая церковь) и многие другие.

В реальности целый каскад локальных и региональных НГО не могут оказывать влияния на принятие решений по развитию их собственных стран и практически лишены ресурсов. Безусловно, подобное положение дел вызывает ответную реакцию общественных и научных кругов развивающихся стран – прежде всего разного рода сомнения и вопросы о том, кому же и зачем выгодно развитие гражданского общества. С одной стороны, его усиленно формируют, с другой, – с ним не считаются¹⁸.

Подводя итоги, хотелось бы подчеркнуть, что религия всегда была и, безусловно, остается важным фактором влияния в международной политике, меняются лишь формы оказания давления и идеология целеполагания. Но не только внешняя политика определяет актуальность данной темы. Политика возврата к традиционным ценностям в современной России, увеличение доли мигрантов в Российской Федерации ставят вопрос о религиозном присутствии в социальной сфере. Это, безусловно, определяет актуальность отечественных религиозоведческих и социологических ис-

следований о роли православных, протестантских, исламских и других НГО в реализации социальных программ, поскольку основные конфессии России давно уже принимаются государством как полноценные социальные партнеры.

Также кажется крайне важным, чтобы исследования не были ограничены рамками разного рода фобий клерикализма. Как показали многочисленные дискуссии относительно включения в программу средней школы предмета по курсу «Основы религиозных культур и светской этики», «Основы духовно-нравственной культуры народов России», в российском обществе и в высказавшемся секулярном сегменте российской социологии фобии клерикализма чаще муссировались в средствах массовой информации, нежели появлялись действительно серьезные исследования по теме.

Также стоит отметить, что следование западной традиции в изучении обозначенного вопроса и использование принятой у коллег риторики, статистики и понятий в изучении религиозных НГО рискуют привести отечественных религиоведов на идеологически ограниченное поле исследования. Хотелось бы выразить надежду, что затронутые в статье темы помогут шире взглянуть на проблему участия религиозных акторов в социальной жизни современной России и в мире в целом.

Библиографический список

Ковальчук Ю.С. Церковь и проблемы международной миграции на просторах Евразии // Этнические мигранты в Сибирском федеральном округе и проблемы социально-политической безопасности СФО. – Новосибирск: Наука, 2007. – С. 170-181ю

Alejandro Portes. Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology // Annu. Rev. Sociol. – 1998. № 24. – P 1-24. Интернет ресурс. Режим доступа: <http://www.annualreviews.org> by 213.47.214.222.

Allen D. Hertzke Freeing God's children: The Unlikely Alliance for Global Human Rights. – N.Y.: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2004. – 421 p.

Wright David J. Taking Stock: The Bush Faith-Based Initiative and What lies Ahead // Интернет ресурс. Режим доступа: http://www.rckinst.org/pdf/faith-based_sicial_services/2009-06-11-talomg_stock_faith-based_office.pdf.

Obadare Ebenezer. Second Thoughts on Civil Society: The State, Civic Associations and the Antinomies of the Public Sphere in Africa // Journal of Civil Society. – 2005. – Vol. 1, № 3. – P. 267–281.

Clarke Gerard. Religion and international development // Routledge Handbook on Religion and Politics / ed. by J. Haines. – N.Y., 2009. – P. 389-393.

Haines Jeffrey. Religion and Foreign Policy // Routledge Handbook on Religion and Politics/ ed. by J. Haines. – N.Y., 2009. – P. 293-307.

Putnam Gerard. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. – N.Y.: Gerard, 2001. – 540 p.

Thomas. Scott M. Religion and the Transformation of International relations: The Struggle for the Soul of the 21st Century. – N.Y.: Palgrave Macmillan Publishing, 2005. – 293 p.

Interview with Robert Putnam. Bowling alone: America's Declining Social Capital // Journal of Democracy 6:1, Jan. 1995. – P. 65-75.

Petersen Marie Juul. International Religious NGOs at The United Nations: A Study of a Group of Religious Organizations // The Journal of Humanitarian Assistance, November 17, 2010. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://sites.tufts.edu/jha/archives/847>.

McDuiе-Ra D., & Rees J.A. Religious actors, Civil society, and the Development agenda: the Dynamics of inclusion and exclusion // Journal of International Development. – 2010. № 22(1). – P. 20-36.

Merry Sally Engle. Measuring the world. Indicators, Human Rights, and Global Governance // *Current Anthropology*. – April 2011. – Vol. 52, Supplement 3. – P. 83-95.

---

¹ Haynes Jeffrey. *Religious Transnational Actors and Soft-Power*. N.Y.: Routledge, 1998; *Religion, Politics and International Relations: Selected Essays*. – N.Y.: Routledge, 2011.

² Scott M. Thomas. *Religion and the Transformation of International relations: The Struggle for the Soul of the 21st Century*. – N.Y.: Palgrave Macmillan Publishing, 2005. – P. 293.

³ Там же. – С. 243.

⁴ Ковальчук Ю.С. Церковь и проблемы международной миграции на просторах Евразии // *Этнические мигранты в Сибирском федеральном округе и проблемы социально-политической безопасности СФО*. – Новосибирск: Наука, 2007. – С. 170–181.

⁵ Официальный сайт организации World Vision International // Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.wvi.org>

⁶ Clarke Gerard. Religion and international development // *Routledge Handbook on Religion and Politics* / ed. by J. Haines. – N.Y.: Routledge, 2009. – P. 389.

⁷ Putnam Robert. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*, 2001.

⁸ Portes Alejandro. Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology // *Annu. Rev. Sociol.* – 1998. – № 24. – P. 1-24. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.annualreviews.org> by 213.47.214.222.

⁹ Interview with Robert Putnam. Bowling alone: America's Declining Social Capital // *Journal of Democracy*. – Jan. 1995. 6:1. – P. 65–75.

¹⁰ Wright David J. Taking Stock: The Bush Faith-Based Initiative and What lies Ahead // Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.rckinst.org/pdf/faith-based_social_services/2009-06-11-talorg_stock_faith-based_office.pdf

¹¹ Там же. – С. 58.

¹² Hertzke Allen D. *Freeing God's children: The Unlikely Alliance for Global Human Rights*, 2004.

¹³ Haines Jeffrey. Religion and Foreign Policy // *Routledge Handbook on Religion and Politics* / ed. by J. Haines. – N.Y.: Routledge, 2009. – P. 300.

¹⁴ Merry Sally Engle. Measuring the world. Indicators, Human Rights, and Global Governance // *Current Anthropology*. – 2011. – April. – Vol. 52, Supplement 3. – P. 83–95.

¹⁵ Clarke Gerard. Religion and international development... – P. 393.

¹⁶ PetersenMarie Juul. International Religious NGOs at The United Nations: A Study of a Group of Religious Organizations // *The Journal of Humanitarian Assistance*. – November 17, 2010. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.sites.tufts.edu/jha/archives/847>

¹⁷ McDuire-Ra, D., & Rees, J. A. Religious actors, civil society, and the development agenda: the Dynamics of inclusion and exclusion // *Journal of International Development*. – 2010. – № 22 (1). – P. 20–36.

¹⁸ По данному вопросу можно обратиться к статьям Obadare Ebenezer. Second Thoughts on Civil Society: The State, Civic Associations and the Antinomies of the Public Sphere in Africa // *Journal of Civil Society*. – 2005. – Vol. 1, № 3. – P. 267–281 и к статье Chris Allen. Who needs civil society? // *Review of African Political Economy*. – 1997. – 24: 73. – P. 329–337.